

Циньлин - великая преграда Поднебесной.

Протянувшись через мир людей, этот горный хребет разделяет небеса на север и юг, а земли - по рекам и водным рубежам; его называют тысячелетней драконьей жилой. Если взглянуть сверху, можно увидеть, как клубящийся, переливающийся туман растекается среди гор Циньлина, глубоких и таинственных.

Государственная трасса № 210 извивается среди непрерывных горных цепей Циньлина, лишь немного соединяя это сокровенное место с обычным человеческим миром. Редкие автомобили на шоссе скользят сквозь туман; в тусклом свете дня они едва различимы, виден лишь передний конец, а задний теряется из виду, отчего вокруг царит особенное уединение и безмолвие.

Из тумана выехал старый автобус и медленно покотился по пустынной дороге. В салоне всё ещё звучала старомодная музыка из Гонконга и Тайваня, а пассажиры сонно клевали носом. Однако две девочки, сидевшие в передней части салона, выглядели несколько возбуждёнными. Время от времени они украдкой оборачивались и поглядывали на задние ряды.

У окна сидел молодой человек. Он закутался в светло-серое пальто, поджал длинные ноги и, свернувшись в кресле, спал. Почти всё его тело было надёжно скрыто, и лишь из складок пальто виднелась половина туманных, чарующих глаз и бровей.

Одна из девушек держала в руке телефон и, немного поколебавшись, тихо сказала:

— Его одежда закрывает, ничего толком не разглядеть. Не знаю, Цуй Сянь это или нет. Мне так понравилось, как он сыграл Цзян Сичэня!

Пусть это была всего лишь четвёртая мужская роль, но что поделать, если Цуй Сянь и вправду был необычайно хорош собой: пара глаз персикового цветения, брови, изогнутые молодым месяцем, и от природы улыбающиеся губы. Стоило ему улыбнуться на экране, как всё вокруг словно наполнялось дыханием весны; выглядел он необыкновенно трогательно и пленительно.

Все поклонники Цуй Сяня считали, что с такими природными данными их любимый старший брат до сих пор остаётся лишь малоизвестным актёром исключительно потому, что у его предков был плохой фэншуй, который и задержал его карьеру. Поэтому каждый год на праздник Цинмин поклонники возводили целые ветки обсуждений в его супертопике и, сокрушаясь до боли в сердце, предлагали собрать деньги, чтобы перенести родовые могилы Цуй Сяня.

Подруга девушки снова оглянулась назад, после чего покачала головой:

— Вряд ли. В наши дни звёзды, даже если не летают на частных самолётах, всё равно ездят на машинах с обслуживающим персоналом и чуть ли не таскают за собой сто восемь телохранителей. Как он может ехать в обычном рейсовом автобусе?

Девушка нерешительно произнесла:

— Эм... Я слышала, что Цуй Сяню в последнее время ужасно не везёт. Во время съёмок в горах он случайно свалился со склона, а стальной трос для страховки толщиной с палец взял да оборвался. И стоило ему выйти из дома, как над головой начинали кружить вороны. Один папарацци, который следил за ним, говорил, что за две недели его восемь раз окатило птичьим помётом.

Подруга была потрясена:

— Да ладно!

— А хуже всего то, что агентство, с которым он подписал контракт, несколько дней назад, похоже, подало заявление о банкротстве. Владелец задолжал больше миллиарда налогов, прихватил деньги и сбежал с младшей сестрой жены.

Выслушав её, подруга долго молчала и наконец выдавила:

— Тогда ему и правда пора переносить родовые могилы. Скинь мне ссылку на сбор средств...

Сонный Цуй Сянь совершенно не замечал взглядов двух девушек. Он дремал, стараясь немного отоспаться. В последнее время всё происходившее вокруг него отдавало какой-то чертовщиной. К счастью, он не погиб, а лишь вывихнул правое плечо и получил несколько лёгких травм. В тот день, когда агентство обанкротилось, а все числившиеся за ним активы были заморожены, Цуй Сянь стоял перед опустевшим зданием компании с загипсованной рукой и подёргивающимся уголком рта. Его личный помощник Сяо Чжан тяжело вздохнул и посмотрел на него, не зная, как утешить:

— Брат, ты... ты не принимай так близко к сердцу.

Пусть ты потерял деньги и здоровье, зато у тебя хотя бы осталась красота: пока есть лицо, будет и вся Поднебесная!

Цуй Сянь запрокинул голову. В зубах у него была зажата травинка щетинника, которую он неспешно покусывал, лениво покачивая из стороны в сторону. Несмотря на всё случившееся, казалось, в душе он несколько не торопился и не тревожился.

— Ладно. Наконец-то докатился до самого конца. Пора и заканчивать.

Услышав это, Сяо Чжан немного растерялся. Что значит «пора заканчивать»? Он проработал с Цуй Сянем больше трёх лет, но так и не сумел понять этого мелкого актёра, не дотягивавшего даже до девятого эшелона.

Сказать, что он мечтал прославиться, было трудно: он совершенно не старался заводить полезные знакомства и бороться за роли, на застолья не ходил вовсе, а когда съёмок не было, сидел дома, держась особняком. Даже окна в спальне были заклеены слоем чёрной бумаги, не пропускавшей ни единого луча света.

Но и сказать, что слава его не интересовала, тоже было нельзя: к работе он относился без малейшей небрежности, и каждый, кому доводилось сниматься с ним, неизменно его хвалил. Стоило ему выйти за порог, как он мгновенно менялся в лице, превращаясь в солнечного, привлекательного и разговорчивого молодого человека, а ещё с большим энтузиазмом покупал себе всевозможные нелепые места в горячих поисковых запросах. Он всегда оставался на виду, но вместе с тем словно намеренно поддерживал вокруг себя образ «самого обычного».

Последними деньгами Цуй Сянь выплатил Сяо Чжану жалованье, которое вообще-то должно было рассчитать агентство. Сяо Чжан расчувствовался до слёз:

— Брат, какие у тебя теперь планы? Если тебе ещё понадобится помощник, позвони мне.

Цуй Сянь похлопал его по плечу и даже теперь нашёл в себе настроение пошутить:

— Вернусь на родину, сперва схожу поклониться могилам предков. Раз уж при таком невезении я до сих пор жив и здоров, значит, предки там, внизу, наверняка повсюду договариваются за меня. Может, уже до волдырей язык стёрли.

Сяо Чжан поднял большой палец:

— Брат, у тебя и правда потрясающий настрой...

Расставшись с ним, Цуй Сянь купил самый дешёвый билет и сел в автобус, направлявшийся в его родные края. Он выбрал неприметное место в углу, провёл рукой вдоль красного шнурка на шее и вытащил из-под одежды нефритовый диск-пингъанькоу.

Алое пятно киновари, прежде словно впитавшееся в глубину подвески, с годами полностью исчезло. А после нескольких происшествий, в которых Цуй Сяню лишь чудом удалось сохранить жизнь, сам нефрит потускнел и стал почти прозрачным.

Слова о возвращении домой, чтобы навестить могилы предков, были не одной лишь шуткой. С самого детства он отличался от обычных детей: его глаза видели и Инь, и Ян, а сам он от рождения понимал речь призраков. Когда ему было около трёх или четырёх лет, по ночам большая толпа детей за окном постоянно звала его в горы играть и беситься. Но стоило петуху прокричать трижды, как приятели, ещё мгновение назад весело смеявшиеся и галдевшие, в панике разбегались в разные стороны и в мгновение ока исчезали без следа.

Когда дед, обливаясь потом, наконец нашёл его при свете красного фонаря, то увидел, что

посреди бескрайних, густо заросших и безмолвных гор сидит лишь его маленький внук. Весь перепачканный травяной трухой, пылью и землёй, он устроился на холодном пустынном склоне и беззаботно хихикал, а вокруг виднелось бесчисленное множество маленьких могильных холмиков.

Больше половины товарищей детства Цуй Сяня, вероятно, были одинокими душами и неприкаянными призраками. В те годы он даже не умел отличить живого человека от мертвеца.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды он без всякой видимой причины тяжело не заболел. Тогда дед с мрачным лицом и предельной серьёзностью надел ему на шею пинъанькоу киноварного цвета и с тех пор неизменно повторял одно строгое наставление:

— Пока жив человек, цел должен быть и нефрит. Не снимай его ни на мгновение.

После этого Цуй Сянь больше ни разу не видел призраков и полностью превратился в самого обычного, лишь немного нелюдимого ребёнка. Однажды он, плача, самовольно убежал в горы искать своих «товарищей», однако под проливным дождём в безлюдных и тихих горах не нашлось ничего.

Вскоре после этого дед бесследно исчез. Отец годами возил Цуй Сяня с места на место, скрываясь и постоянно меняя жильё, но никогда не объяснял ему причины. Позже исчез и отец. Во всём роду Цуй остался лишь он один.

А в последнее время Цуй Сянь несколько раз без всякой причины оказывался на волосок от гибели, и пинъанькоу начал стремительно терять цвет, покрывшись несколькими трещинами. Цуй Сянь подумал, что, возможно, время наконец пришло. Ему всё равно следовало вернуться и взглянуть на родные места, быть может, там удастся разгадать тайну, мучившую его столько лет.

—

На горной дороге автобус медленно въехал в клубящийся туман. Цуй Сянь свернулся в кресле, и накопившаяся за последние дни усталость незаметно увлекла его в глубокий сон. Неизвестно, как это произошло, но он ощущал себя словно в полусне, а под ногами было легко и зыбко. Всего через несколько мгновений перед ним уже не было тесноватого салона автобуса.

Повеял прохладный ветер. Цуй Сянь поднял голову и смутно различил старый глинобитный дом в родных краях, где прожил несколько лет в детстве. Он машинально направился к дому, однако тот стоял всего в нескольких шагах, а приблизиться к нему никак не удавалось.

Он так разволновался, что весь покрылся потом. В этот момент дверь старого дома со скрипом распахнулась изнутри, и наружу разом просочился холодный, пропитанный плесенью ветер.

Затем из дверной тени вышел сгорбленный старик с седыми волосами, в чёрно-белых матерчатых туфлях.

Увидев его, Цуй Сянь позабыл обо всей странности происходящего и радостно воскликнул:

— Дедушка!

Старик в дверях выглядел именно так, каким Цуй Сянь помнил своего деда, только теперь его спина согнулась ещё сильнее.

Старик постучал трубкой о ладонь, махнул рукой и глухо произнёс:

— Сянь-вацзы*, не иди дальше. Дороги больше нет.

(ПП: это разговорное, диалектное слово, которое означает «бездельник», «лодырь», «ребёнок-бездельник».)

Цуй Сянь хотел снова заговорить, но горло словно чем-то залепило. Как бы он ни старался, лишь раскраснелся от напряжения, так и не сумев выдать ни слова.

Дед тяжело вздохнул и с тревогой и бессилием сказал:

— Слишком много времени прошло. Кровавая киноварь внутри пинъанькоу исчерпалась, и дед больше не сможет тебя защищать. Как только этот талисман сломается, трудно будет предугадать, что ждёт тебя впереди. Если не выдержишь, возвращайся в нашу старую бакалейную лавку у подножия Циньлина. Возможно, там ещё найдётся путь к спасению.

У Цуй Сяня было слишком много вопросов. Куда в конце концов исчезли дед и отец, живы ли они? От чего отец с самого детства скрывался вместе с ним, постоянно меняя жильё? Ему всё время казалось, будто кто-то тайно следит за ним, но не было ли это лишь иллюзией?

И ещё: старая лавка давно обветшала и пришла в запустение. Зачем ему туда возвращаться?

Но в следующее мгновение всё перед глазами начало желтеть, поднялся яростный ветер, песок и камни взметнулись в небо. Дед и старый дом отдалялись от него всё сильнее, становясь всё более расплывчатыми, словно комок киновари, растворяющийся в мутной воде, пока наконец не исчезли бесследно. В конце концов Цуй Сянь слышал лишь всё более далёкий крик деда, похожий на старую, изъеденную ржавчиной, скорбную и хриплую мелодию циньской оперы:

— Сянь-вацзы, в твоей судьбе три недостатка и пять ущербов, четыре утраты и две беды. Никому не верь. Выжить важнее всего.

.....

В автобусе Цуй Сянь лежал под пальто с закрытыми глазами, весь покрытый потом. Он дышал тяжело и часто, а тело будто придавило чем-то невидимым, не позволяя шевельнуться. Наконец пинъанькоу на его шее больше не выдержал и с громким треском раскололся. Только тогда Цуй Сяню удалось вырваться из кошмара, и он резко вскочил на месте.

Распахнув глаза, он выкрикнул:

— Дедушка!

Все дремавшие пассажиры мгновенно проснулись от этого крика и принялись вполголоса недовольно ворчать.

Цуй Сянь потряс головой и немного пришёл в себя. Звуки мирской суеты вытащили его из холодного, мрачного сна обратно в реальность, и ноги, ещё мгновение назад словно стоявшие на цыпочках где-то в зыбкой пустоте, едва успели вновь опуститься в человеческий мир.

И как раз в этот момент автобус, ехавший по государственной трассе № 210 через горы Циньлина, внезапно огласился громким ударом. Водитель резко вдавил педаль тормоза!

Всех пассажиров сильно дёрнуло. Цуй Сянь пошатнулся и рухнул обратно на своё сиденье, а салон мгновенно взорвался возмущёнными криками: люди заговорили наперебой, подняв настоящий гвалт.

— Ты как вообще ведёшь?! Вот это торможение! Я себе чуть поясницу не сорвал!

— Ой, только бы автобус не сломался. В этих горах Циньлина эвакуатор ждать несколько часов.

— Может, мы в аварию попали? Муж, сходи посмотри.

Водитель включил аварийные огни, вышел, выставил дорожные ограждения и обошёл автобус, проверяя его со всех сторон. Поговорив с несколькими пассажирами, которые тоже вышли наружу, он остался у машины, а один из мужчин вернулся в салон с нахмуренным лицом.

— Двигатель сломался. Придётся ждать эвакуатор, примерно часов пять.

Услышав, что ехать дальше нельзя, пассажиры сразу возмутились ещё сильнее.

— Пять часов? Да мы же посреди глухих гор! Пока эвакуатор приедет, уже ночь наступит. Это сколько времени впустую! Что за развалюха, тьфу! Мне обязаны выплатить десять тысяч за

потерянный заработок, да ещё и компенсацию за моральный ущерб!

Две девушки, которые уже давно украдкой поглядывали на Цуй Сяня, одновременно закатили глаза.

— Да вы, смотрю, мастер деньги зарабатывать. Раз вам так жалко времени, выходите и идите пешком. Всю ночь прошагаете, зато к утру как раз успеете в городе поесть острого супа хулатана.

— Эй ты, мелкая вертихвостка, чего раскричалась!

Цуй Сянь всё ещё не мог окончательно прийти в себя. Во время резкого торможения вывихнутая рука ударилась о спинку кресла, и теперь у него болела голова и слегка подташнивало. Хотя в салоне было шумно и люди продолжали спорить наперебой, сам он вдруг почувствовал, как к нему постепенно подбирается необъяснимый холод. Его невольно пробрала дрожь, лицо побледнело, а в голове снова и снова звучали тяжёлый вздох и крик деда из сна.

Автобус заглох у обочины. Водитель, нахмурившись, попытался хотя бы немного его починить, но вскоре сдался. Время шло, небо уже заметно темнело, и пассажиры, сидевшие в салоне, начинали всё сильнее нервничать от ожидания.

Снаружи постепенно сгущались сумерки, туман становился всё плотнее, а на государственной трассе уже не осталось других машин. Казалось, старый автобус, застрявший в самой глубине гор Циньлина, был без остатка поглощён этой белёсой мглой.

Водитель как раз начинал всерьёз беспокоиться, когда в зеркале заднего вида заметил, как сквозь туман скользнул дальний свет фар. Рядом с автобусом бесшумно остановился большой туристический автобус тёмно-синего цвета. Его водитель опустил стекло:

— Сломались? Подвезти вас?

Одно из чёрных окон в середине кузова тоже кто-то открыл. Самого пассажира видно не было, лишь раздался голос:

— Поедете? Подбросим вас.

Услышав это, пассажиры старого автобуса тут же засуетились и начали хватать багаж. Они рассудили, что какая разница, на чём ехать, лишь бы сначала выбраться с дороги через Циньлин. И вот уже во главе с одной из пожилых тётушек целая группа людей возбуждённо загомонила, требуя выпустить их наружу.

Но водитель не шелохнулся. Старые шофёры, десятилетиями ездившие по горным серпантинам и прошедшие эти дороги и днём, и ночью, всегда имели собственные правила,

помогающие сохранить жизнь. Ни деревни впереди, ни постоянного двора позади - не увидел человеческого лица, не открывая дверь.

Он затянулся сигаретой, взглянул на номер машины напротив: провинция Шэньси, литер С, последние цифры 278. Затем снова покосился на водителя, чьё лицо было неразличимо в тумане, и заметно напрягся.

— Кхм, спасибо тебе, брат. Не спеши уезжать. Сигарету будешь?

С этими словами он закурил ещё одну и протянул её через окно. Тот молча принял сигарету, а водитель старого автобуса неотрывно следил за ней глазами. Табак то вспыхивал, то тускнел, однако сигарету держали наоборот: фильтром наружу, а горящим концом ко рту. Всего одной затяжки хватило, чтобы выкурить её до самого конца! Тусклый огонёк тут же погас.

Рука водителя резко дрогнула, кожа на голове словно онемела, а спина мгновенно промокла от холодного пота. С противоположной стороны глухо и отрывисто, совершенно без всякой интонации, донеслась похвала:

— Хорошая сигарета. Хорошая. Дай ещё одну. Потом уже не доведётся покурить.

Водитель больше не осмелился отвечать. С побелевшим лицом он смотрел на тех пассажиров в салоне, которые всё ещё во что бы то ни стало рвались наружу. Его руки мелко дрожали, но дверь он так и не открыл.

Пожилая женщина вытаращила глаза и, окончательно разозлившись, принялась с грохотом колотить в дверь. Затем подняла руку, сорвала с крепления аварийный молоток и пригрозила:

— Будете и дальше тянуть время - я стекло разобью!

Две девушки уже хотели подойти к водителю и попросить его открыть дверь. Всё-таки было бы неплохо поскорее вернуться в город, тем более что им казалось, будто Цуй Сянь чувствует себя совсем плохо. Особенно после появления туристического автобуса: его лицо даже приобрело синеватый оттенок. Однако не успели они приблизиться к водителю, как Цуй Сянь внезапно схватил одну из девушек и резко потянул назад. Она удивлённо подняла голову и увидела, что на фоне его бледного лица и без того тёмные глаза казались ещё глубже.

Глаза его были черны, словно тушь, губы будто тронуты киноварью, но лицо словно покрылось инеем, и от одного взгляда на него девушку невольно пробрала дрожь.

Он сказал:

— Пока не выходите. Здесь что-то не так.

<http://bllate.org/book/18411/1758865>